

Оглавление

<i>От автора</i>	8
<i>Введение</i>	10
<i>Глава 1</i>	
Шведская литература и внелитературные факторы XX – начала XXI века	17
1.1. Приоритеты шведского литературоведения: школы, теории, методологии	19
1.2. Нереалистическая литература в Швеции. Теоретические подходы и дефиниции	28
1.2.1. Реалистическое / нереалистическое в искусстве	28
1.2.2. «Правда» – «жизнеподобие» – «условность»	32
1.2.3. Realistisk и icke-realistisk в шведском литературоведении и проблема типологии жанров	37
1.2.4. Формы и приёмы вторичной условности	41
1.3. Шведская сатира XX–XXI веков: этика и эстетика	48
1.4. Неомифологическая проза и «нобелевский формат»	60
1.5. Преодоление постмодерна	72
<i>Глава 2</i>	
Поэтика условности в социальном романе Швеции	87
2.1. Антиутопия П.К. Ершилльда «Охота на свиней»	93
2.2. Электра в фильме И. Бергмана «Персона» и неомифологическом романе И. Лу-Юханссона «Электра. Женщина 2070 года». Между утопией и антиутопией	106

2.3. «Шведская модель» в романах-метафорах М. Флорина «Сад» и «Братцы-сестрицы»	118
2.4. Литературные мифы и феминизм XXI века. «Пеппи Длинныйчулок» А. Линдгрена и детектив С. Ларссона «Девушка с татуировкой дракона»	127

Глава 3

Личность и история в шведском политическом романе	141
3.1. Идея власти в «романе с ключом» П.У. Энkvиста «Пятая зима магнетизёра»	145
3.2. Религиозно-политический памфлет П.К. Ершилльда «Путешествие Кальвиноля по свету»	155
3.3. Политические мотивы в фэнтезийной повести А. Линдгрена «Братья Львиное Сердце»	172
3.4. Сиквел П.К. Ершилльда «Хольгерссоны» и генезис образа карлика в шведской прозе XX века	185
3.5. «Тератологический» роман К.Ю. Вальгрена «Ясновидец»: политическая риторика в эпоху (пост)постмодернизма	196
3.6. «100 лет и чемодан денег в придачу» Ю. Юнассона, или История как анекдот	210

Глава 4

Типологические модели религиозно-этического романа	221
4.1. Роман-пикареск С. Дельбланка «Пасторский сюртук»	228
4.2. Роман-Евангелие Ё. Тунстрёма «Послание из пустыни»	247
4.3. Роман-молитва Т. Линдгрена «Путь змея на скале»	258
4.4. «Дочь болотного царя» Х.К. Андерсена и одноимённая притча Б. Тротцига	269
4.5. Постмодернистские «Пути к раю. Комментарии к ненаписанной рукописи» П. Корнеля. Нелинейное письмо	280

Глава 5

От модернизма к модернизму: поиск личной идентичности в психологическом романе	293
5.1. Апология страха в постмодернистском контексте: «биографический» роман Ч. Юханссона «Лицо Гоголя»	295
5.2. Аутистический роман воспитания П.У. Энквиста «Библиотека капитана Немо»	306
5.3. Роман-парабола Т. Линдгрена «Шмелиный мёд»	318
5.4. «Магический реализм» в романе М. Аксельссон «Апрельская ведьма»	327
5.5. «Осколки разбитого зеркала» К. Фалькенланд как метафизическая психодрама	338
<i>Заключение</i>	351
<i>Примечания</i>	361
<i>Библиографический список</i>	403
<i>Именной указатель</i>	431
<i>Summary</i>	449

От автора

Литературный процесс начала XXI века обозначил новые тенденции в искусстве. В связи с этим можно подвести итоги сложных и интересных десятилетий второй половины XX столетия.

Впервые в российском и шведском литературоведении анализируются и вводятся в российский научный оборот нереалистические романы, созданные в 1960–2000-х годах и отразившие не только сугубо художественные приоритеты национальной литературы, но и главные события социальной жизни Швеции. Материалом для анализа послужили более 25 произведений, большая часть из которых ещё не становилась объектом внимания в отечественной науке. Многие тексты не переводились на русский язык.

В книге предлагаются подходы к описанию жанровых модификаций шведской романистики, выявляются особенности поэтики текстов, даётся характеристика принципов вторичной условности. Шведская литература рассматривается во взаимосвязи с социальной средой и в условиях влияния «больших» литератур. Поскольку основной объект исследования связан с поэтикой нереалистической прозы, мы обращаемся к одному из актуальных вопросов современного литературоведения – обсуждению критериев реалистического и нереалистического искусства.

Написание этой книги стало возможным благодаря судьбоносным встречам с людьми, посвятившими жизнь изучению скандинавских языков, культуры, литературы, истории. Среди них директор Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ Т.А. Тоштендаль-Салычева, шведский историк Р. Тоштендаль, искусствовед М.А. Тимофеева, переводчик А.А. Афиногенова, преподаватели шведского языка М.О. Дубовицкая, Е.П. Картамышева, А.В. Дегтярёва, А. Кемпе, О. Викстрём.

Идею написания этой работы поддерживали мои учителя и коллеги Л.И. Ручина, Т.А. Шарыпина, В.Г. Новикова, И.К. Полуяхтова. Подготовка книги стала возможна благодаря постоянному сотрудничеству Российско-шведского учебно-научного центра с Шведским институтом в Стокгольме и с нашими коллегами А. Рембе, К. Браттебю, М. Вирккалой и В. Хенниусом. В результате использования научно-образовательных программ Шведского института были созданы условия для нашей работы в крупнейших библиотеках г. Уппсалы «Carolina Rediviva» и «Stadsbiblioteket». Я признательна своим друзьям – специалистам по русской литературе – О.С. Сухих, О.И. Плешковой, О.В. Макаревич, которые всегда были заинтересованы в результатах этого исследования. Отдельное спасибо редактору С.М. Пчеляной и художнику М.К. Гурову. И наконец, особые слова благодарности студентам филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского и Российско-шведского учебно-научного центра РГГУ, с которыми мы творчески обсуждали вопросы скандинавской литературы и для которых были созданы первые бакалаврские и магистерские программы по жанрам скандинавских литератур, истории шведского кино и типологии шведского романа.

Введение

Превращение Швеции из бедной аграрной страны в постиндустриальную нацию было и остаётся центральной темой шведской прозы.

*Ингрид Элам**

Одним из обсуждаемых вопросов современного литературоведения является характеристика реалистического искусства: где границы реального и нереального? правомерно ли говорить об объективной реальности или стоит признать, что существует столько миров, сколько существует сознаний? В эпоху постмодернизма к дискуссиям на эту тему добавились споры о соотношении реального и вымышленного, поскольку философия постистории предполагала отказ от реальности в пользу иронических симулякров. Однако подведение итогов XX века показало, что постмодерн не был тотальным явлением: многие национальные литературы отреагировали только на изменение формы, сохранив этическое содержание и мессианскую роль писательского труда. Следовательно, размышления о том, нужна ли читателям реалистическая картина мира, по-прежнему актуальны. Если следовать логике развития документального и игрового кино и современным тенденциям развития театра, то можно убедиться, что доминанта переместилась в сторону нереалистических форм: даже документалистика предпочитает быть мокьюментари, а исторический роман – альтернативной историей. В детективах и любовных романах, как и в жанрах криминальной хроники или спортивного репортажа, превалируют концентрация событий и субъективная трактовка, ориентированные на кратковременный захват внимания. Возникает вопрос: что в условиях медийности современного искусства происходит с национальными литературами,

* Ингрид Элам (*Ingrid Elam*) – литературный критик, в 1989–2000 годы руководитель отделов культуры GT, Göteborgs-Posten и Dagens Nyheter. В настоящее время независимый культурный обозреватель.

особенно с региональными, не входящими в круг центральных? Сохраняют ли они прежние традиции, сторонясь глобализации, или осваивают опыт мирового искусства вместе с другими литературами?

Уникальную картину развития литературного процесса мы наблюдаем в Швеции – самой большой стране Скандинавского полуострова. В современной шведской словесности обнаруживается синтез черт «малой» литературы с общемировыми тенденциями, адаптированными на национальной почве. Но наряду с этим можно выявить оригинальные приёмы и традиционные мотивы литературы Севера, германо-скандинавский комплекс идей, нордическую ориентацию в психологии и политике. Длительное неприятие влияния извне привело к тому, что самые известные представители шведской культуры (Август Стриндберг, Ингмар Бергман и Астрид Линдгрэн) не получили в своей стране такого признания, какое они получили в мире. Произошло это из-за разрушения ими национального канона, т. е. фактически из-за «нешведскости» произведений¹. Страна, которая благодаря завещанию А. Нобеля стала центром по определению самых значительных литературных достижений, не удостоила ни Стриндберга, ни Линдгрэн Нобелевской премии, Бергман из-за конфронтации с властями на несколько лет эмигрировал в Германию. В широком смысле это говорит о том, что и в Швеции нет пророка в своём отечестве. Но главное заключается в демонстрации той роли, которую играли в стране национальные приоритеты. Шведская культура долго сторонилась «западников» и «универсалистов», доверяя только сугубо национальным авторам. Отнюдь не случайно Нобелевской премии была удостоена С. Лагерлёф, а не А. Стриндберг, в оппозицию к интеллектуальному Бергману встал режиссёр шведских рабочих кварталов Бу Видерберг, а произведениям Астрид Линдгрэн противопоставили идиллическую прозу Эльсы Бесков. Это можно объяснить тем, что большая часть шведского общества на протяжении первой половины XX века ценила выше всего христианскую мораль, пролетарское искусство и умиротворяющую картину семейной жизни. На современном этапе тематика произведений стала шире, однако главные ценности существенно не изменились.

Говоря о национальной шведской литературе, стоит напомнить, что страна прошла, без преувеличения, уникальный путь. Если следовать фактам, то начало новой идеологии было положено в 1928 году, когда лидер социал-демократов Пер Альбин Ханссон (*Per Albin Hansson*, 1885–1946) в дебатах высказал идею создания такой Швеции, которая была бы *хорошим домом для народа* (*folkhem*), где все бы заботились друг о друге. Он хотел сломать барьеры, разделявшие привилегированные и неимущие слои населения, но не посредством национализации, а за счёт особой системы налогов². Идея «Дома для народа», в котором всё должно быть построено на равенстве прав и обязанностей, стала одной из наиболее часто используемых в политических дискуссиях³. Сначала «Народный дом» был лишь метафорой и не имел под собой конкретной программы – идея не была доктриной. Но она была воспринята как цель, к которой стоит стремиться. На протяжении нескольких десятилетий социал-демократы осуществляли экономическую политику, приведшую к созданию «шведской модели»⁴. Период активного вмешательства государства в рыночные отношения был назван «народным капитализмом»⁵. Это позволило говорить о Швеции как о стране с самой гуманной социальной системой. Кроме того, мир заговорил о возможности построения социализма «с человеческим лицом». Пиком успеха шведской экономики можно считать 1950–1965 годы⁶.

Не менее значимыми факторами в развитии страны стали позиция нейтралитета во время Второй мировой войны⁷, экономическое сотрудничество Швеции и нацистской Германии, длительное функционирование Института евгеники. На протяжении послевоенного времени тема не была закрыта для обсуждения, но и не становилась предметом открытых разоблачений. Только к концу XX века вопрос о проявлениях шведского нацизма получил общественный резонанс. Поводом послужил широко обсуждаемый роман Стига Ларссона «Девушка с татуировкой дракона» (в оригинале «Мужчины, которые ненавидят женщин», 2005)⁸. Показательно, что именно художественная литература инициировала эту дискуссию. Публицистические статьи и экранизации романа, последовавшие сразу за его выходом, доказали, что литература в XXI веке не утратила способности быть услышанной,

что она продолжает быть общественно значимой частью современного медийного пространства.

В послевоенный период неоднозначно были восприняты и экономические программы государства. К 1965 году в шведской литературе стали преобладать пессимистические тексты, в которых речь шла о потере индивидуальной свободы, о нивелировании личности в обществе социального контроля. В работе шведского историка К. Омарка одна из глав книги называется «Структурная “железная клетка” или победа среднего класса»⁹. Давая характеристику внутренних проблем «государства всеобщего благосостояния», другой известный историк Швеции Р. Тоштендаль пишет: «Современная налоговая политика приводит к дестабилизации, утрате веры в государство, порождает агрессивные выбросы энергии, связанные с разочарованием в шведской модели и соответственно “Народном доме” как важнейших составляющих всей шведской идеологии»¹⁰. В литературе даже апологеты социальной политики Швеции пришли к разочарованию и созданию антиутопий. В романе «Электра. Женщина 2070 года» (1967) И. Лу-Юханссон, знаменитый в прошлом пролетарский писатель, задавался вопросами: есть ли в современном мире Бог? устранены ли войны? преодолена ли бедность? что стало с экологией планеты? есть ли в новом обществе поэты и как любят друг друга мужчины и женщины? Отвечая на эти вопросы, он признавал, что бедность и войны устранены, экология на высшем уровне, но Бога больше нет, поэты ушли в прошлое, их место заняли спортсмены; мужчины и женщины больше не любят друг друга, так как в мире господствует феминизм: мужчины превратились в рафинированных чиновников, а женщины, вынужденные взять на себя их функции, именуются безличным словом «man», т. е. «человек вообще»¹¹.

Кризис, предрекаемый писателями, разразился не только в духовной сфере. «Фонды трудящихся», являвшиеся «попыткой выхода за рамки существующей социально-экономической системы»¹², были ликвидированы, государство постепенно утратило возможность поддерживать неконкурентоспособные отрасли. Итогом промышленного кризиса явились продажи национальных автомобильных брендов: «Вольво» Китаю и «Сааб» Нидерландам.

Однако, несмотря на проблемы, Швеция по-прежнему остаётся высокоорганизованным, цивилизованным государством с упорядоченной и продуманной социальной структурой, дающей человеку стабильность в жизни и возможность получать бесплатное образование и профессию. Нельзя забывать, что с 1814 года страна не пережила ни одного военного конфликта и ни одного серьёзного столкновения на религиозной почве.

Государство по-прежнему существует для человека, а не человек для него, поэтому в шведском обществе более всего ценится личная свобода¹³. Одновременно с этим неоспоримым долгом считается законопослушание, причём не столько из-за святости юридических законов, сколько из-за ценности этических норм. Индивидуализм в этой стране гармонично сочетается с коллективизмом, с интересами семьи, рода, нации¹⁴.

Уникальное сочетание личной свободы и общественных интересов регламентируется изнутри социальной жизни общества, исходит из шведской ментальности. Возможно, это черта всех малых наций, которые осознают необходимость единения и оберегают свою цельность. В современной интеграции шведское общество, помимо прочего, демонстрирует, как можно быть современным и одновременно самодостаточным, сторониться глобализации и извлекать пользу из консерватизма. Журналистам, живущим вне Швеции, приходится задаваться вопросом, почему «в этой благоустроенной стране со средней зарплатой почти в 4 тысячи евро находятся люди, которые зачем-то требуют кардинальных перемен»¹⁵. Однако сами шведы продолжают рефлексировать, писать исследования «Меланхоличная комната. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь» (2009)¹⁶, снимать обобщающие абсурдистские картины «Песни со второго этажа» (2000), «Ты, живущий» (2007), «Голубь сидел на ветке, размышляя о жизни» (2014)*.

* Известный шведский режиссёр Рой Андерссон (*Roy Andersson*, р. 1943) в 2014 году получил Золотого льва Венецианского кинофестиваля за фильм «Голубь сидел на ветке, размышляя о жизни» (*En duva satt på en gren och funderade på tillvaron*) – третьей части своей трилогии об абсурдности жизни.

Сразу после войны на каждом из этапов пути, от успешных 1960-х до кризисных 2000-х, литература предъявляла государственным структурам высокие требования. Иначе говоря, искусство в Швеции неразрывно связано с социальными процессами. Общественная значимость произведений является одним из главных критериев ценности литературного текста, наряду с другим важнейшим пунктом шведского самосознания – этическим содержанием литературы. К настоящему моменту большое внимание в стране уделяется балансу между искусством, моралью и свободой слова¹⁷.

Общаясь в процессе подготовки книги с современными шведскими писателями*, нам удалось затронуть ещё несколько важных тем, которым посвящены отдельные главы этой работы. Среди них – положение неомифологического искусства и национальные черты постмодернистской литературы. Но наиболее важной для авторов остаётся дискуссия о влиянии пролетарских писателей на шведский литературный процесс XX века. В результате этого влияния были вытеснены на периферию другие течения и жанры, и прежде всего такие, в которых была задействована поэтика фантастического. Однако, как покажет практика, пролетарская проза, как и другие социально ориентированные тексты, не были сплошь реалистическими. В большинстве пролетарских произведений использовались различные приёмы вторичной условности – от повышенной метафорики и символики до открытой фантастической образности. Это говорит о том, что многие принципы нереалистического письма были органически присущи шведскому художественному сознанию независимо от господствующего направления.

В конце 1950-х годов в европейских литературах начинается обновление литературной техники. В нашей работе рассматриваются произведения, изначально ориентированные на нереалистические формы. Концентрация условности в нереалистическом повествовании становится особенно высокой начиная

* Интервью автора с писателями проходило на курсах, посвящённых современной шведской литературе «Levande litteratur», в Malungs folkhögskolan (Швеция) в июле–августе 2014 года.

с середины 1960-х годов. С этого периода в Швеции преобладают философско-этические притчи, сатирические антиутопии, психоаналитические исследования внутреннего мира с элементами магического реализма. В последнее десятилетие XX века усиливаются тенденции коммерциализации литературы, принципы элитарной прозы совмещаются с приёмами массовой продукции. Постепенно возвращается жанровая литература, в том числе фантастическая, разрабатывающая поэтику открытой художественной условности.

Литературному периоду со второй половины XX и до начала XXI века посвящена эта книга. Принципы нереалистического повествования и причины, по которым изменялись литературные формы, представляют для нас главный исследовательский интерес. Поскольку литература в Швеции напрямую связана с общественной жизнью, мы вернёмся к синтезу социологии и литературоведения. Такой подход позволит, говоря словами Ю. Тынянова, показать взаимосвязь литературы и «внелитературного» факта и даст представление о том, что означают для шведов понятия «*människa och samhälle*» – человек и общество и «*människa och miljö*» – человек и окружающая среда.

Глава 1

ШВЕДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
И ВНЕЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАКТОРЫ
XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

1.1

Приоритеты шведского литературоведения: школы, теории, методологии

Анализ любой литературной ситуации интересен не только количеством и качеством выпускаемой продукции, но и стратегиями современных издательств, характером критики, идеологическим фоном. Одним из интересных и весьма показательных факторов развития национального искусства в Швеции является литературоведение, которое остаётся скрепляющим звеном между писателями, издателями, читателями и общественными институтами, включая комиссии по присуждению литературных премий, и филологическими факультетами университетов. Приоритеты шведских критиков, осмысляющих тенденции книжного рынка и влияющих на формирование вкуса читателей, позволяют понять особенности шведской культуры.

Одна из них заключается в том, что шведское литературоведение проявляет незначительный интерес к анализу формы произведения. Поэтика текста – его жанр, стиль, структура, приёмы художественной условности и т. д. – крайне редко становится объектом исследований. В них рассматривается прежде всего *этическая* ценность книги*, поскольку этика пронизывает все сферы жизни и отражает комплекс религиозных, культурных, социальных и психологических факторов, влияющих на общественное сознание в Швеции. В совместных дискуссиях эту мысль поддерживают как шведские, так и норвежские учёные, отмечая, что в Швеции и Норвегии действительно наиболее важными являются *этическое* «послание» текста и его *общественная* роль.

* Подтверждением нашего наблюдения стали дискуссии на Международных конференциях 2012 года, посвящённых памяти А. Стриндберга.

Необходимо отметить и то, что в Швеции нет самостоятельных литературоведческих школ. В учебниках, сборниках научных работ, монографиях указываются французские, российские и американские методы анализа. Присущий шведским работам этический ракурс, как нам представляется, мог бы претендовать на самостоятельное звучание, но формально он нигде не отмечен. Из всего многообразия подходов к исследованию текста чаще всего используются те, которые позволяют оценить важнейшие для Швеции вопросы: суть *общественных* процессов, которыми занимаются социальные науки (*samhällsvetenskap*), и соотношение *человека и среды* (*människa och miljö*).

Нет сомнения в том, что эти аспекты остаются главными на протяжении длительного времени, хотя направленность теоретических работ корректируется по мере появления новых методологий. Существенная разница в подходах к литературе ощутима при сопоставлении теоретических работ 1970–1980-х и 1990–2000-х годов. Например, сборник «Область исследования и методы в литературоведении» (1970) разделён на следующие части: «Критика текста и текстовые комментарии», «Стилистический анализ», «Компаративные исследования», «Литература и идеи», «Психологическое и биографическое литературоведение», «Литература и общество¹. Литературно-социологическая постановка вопросов», «Экспериментальное литературоведение», «Количественная методика». Главными, как видим, представлялись подходы, исследующие взаимосвязь идейного содержания произведения с «внелитературными» фактами – биографией писателя и социальным контекстом. Большое внимание уделялось теоретиками стилю и компаративистике, что помогало определить место произведения среди сходных литературных явлений.

В научных трудах двух последних десятилетий область интересов меняется. Первой школой, которая в новых условиях привлекает внимание современных критиков, является русский формализм. Примером такого внимания может служить двухтомное издание «Современная литературная теория. От русского формализма к деконструктивизму» (1993) К. Энценберга и С. Ханссон². Формализм рассматривает первым и П. Теннгарт

в работе «Теория литературы» (2008)³. Поскольку подобное положение российской школы формализма – немаловажный и показательный факт, охарактеризуем позицию шведских исследователей по этому вопросу.

Центральными фигурами русского формализма в Швеции считаются В. Шкловский (ОПОЯЗ) и Р. Якобсон (Московский лингвистический кружок). Критики указывают на три возможные причины возникновения формальной школы:

- 1) методологический кризис в русском литературоведении (господство биографическо-психологических исследований в русле позитивизма, использование литературы для подтверждения социологических и прочих внелитературных теорий, увлечение постановкой философских и религиозных вопросов благодаря доминированию символизма);
- 2) развитие структурной лингвистики и антипозитивистских течений вне философии;
- 3) особенности русского модернизма, в частности большое значение футуризма и кубизма. Главной задачей формальной школы полагается стремление легализовать самостоятельность литературоведческих исследований и освободить науку о литературе от эклектичного импрессионизма путём формирования собственных методов и чёткого выявления объекта изучения.

В качестве фундаментальной рассматривается статья В. Шкловского «Искусство как приём» (1917)⁴. Среди ключевых терминов интерес шведских критиков вызывают «язык литературы» и «литературная работа», «остранение», «практический» и «поэтический» язык, «материал», «форма», «слово как таковое». Большое значение придаётся тезису Шкловского о существовании универсальной структуры романа. Его идеи о сущности жанра и сегодня оказывают влияние на шведских учёных⁵. Прямое продолжение изучения вариативности жанров, начатого Шкловским и Якобсоном, шведские исследователи видят в монографии В. Проппа «Морфология волшебной сказки» (1928)⁶. Среди соратников и оппонентов Шкловского называют Б. Томашевского и Ю. Тынянова. Пафос трудов Томашевского шведские критики связывают с желанием утвердить биографический подход как

часть новой теории. Значительно меньшее внимание исследователями уделяется статьям Ю. Тынянова, при этом весьма показательно, что его главная работа «О литературной эволюции» (1927)⁷ трактуется не столько как обоснование понятия «литературная система», сколько как выражение потребности расширить узкие рамки формализма, вернув литературу в сферу влияния *внелитературных факторов*, т. е. в *общественную среду*. Именно эта тыняновская концепция особо близка шведскому литературоведению. Сходный подход к анализу литературного процесса критики видят в статьях Б. Эйхенбаума.

В то же время шведские учёные во многом поддерживают критику Л. Тროцкого в адрес формализма и утверждают, что наиболее плодотворной являлась школа М. Бахтина, которая «успешно комбинировала формализм и марксизм»⁸, т. е. ещё более эффективно выявляла взаимосвязь между движением литературных форм и социальными факторами. Авторитет Бахтина был так высок, что он и сегодня является самым цитируемым из русских исследователей. При этом центральной работой для шведских гуманитариев остаётся его книга «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». В целом высказанные Бахтиным идеи, в том числе его трактовка карнавального гротеска, являются теоретической базой для многих диссертаций, среди которых встречаются и оригинальные, например о жанрах фильмов ужасов в кинематографе⁹.

В работах последних лет шведские исследователи подчёркивают генетическую связь между формализмом и структурализмом, деконструктивизмом и «новой критикой», называя работы Т. Женетта, Ц. Тодорова, А.Ж. Греймаса и других. В кинотеории авторы опираются на работы В. Шкловского о жанрах, на идеи Р. Якобсона о структуре метафоры и на концепцию метафорического кино С. Эйзенштейна. Среди литературоведов, проявляющих интерес к наследию формализма, можно назвать С. Бергстена, Л. Густафссона, С. Мальмстрёма, К. Энциенберга, С. Ханссон, А. Марклунда, М. Родина.

Вслед за формализмом в теоретических шведских трудах чаще всего рассматривается «новая критика» и даётся характеристика марксизма, феноменологии, герменевтики, структурализма,

семиотики, прагматики, феминизма, постструктурализма. В книге П. Теннгарта марксизм рассматривается во взаимосвязи с культурными теориями и историзмом, феминизм – в синтезе с гендерной теорией пола и квир-теорией¹⁰. Кроме того, в Швеции существует самостоятельная «Женская история литературы»¹¹ и аналогичные «женские» истории кино¹². Наряду с этим возрастает интерес к теории литературного чтения, интертекстуальности и рецепции, постколониализму, новому историзму, нарратологии, экологической критике, экофеминизму и когнитивному анализу. Интересна также постановка самых современных вопросов: что такое детское литературоведение, какова взаимосвязь риторики и литературы, как связаны «традиция и провокация»¹³, чем должен руководствоваться критик в биографических исследованиях о писателях¹⁴, какой смысл в XXI веке вкладывается в понятие «толкование текста» и как сегодня нужно «писать о литературе»?¹⁵

Любопытно, что в то же самое время выходит множество практических руководств, нацеленных на правильное написание романа или хорошей новеллы¹⁶. Следовательно, чисто структурные принципы создания художественных текстов вполне осмыслены и отработаны. Поток шведской литературной продукции постоянно возрастает, причём он пополняется за счёт «женских» романов, о чём говорит статистика¹⁷. Поскольку критика вынуждена искать к современным книгам новые «ключи», остановимся на некоторых теориях подробнее.

Мы отмечали, что в Швеции в последнее время чаще всего проявляется интерес к возрождающемуся социологическому литературоведению и к новым теориям пола. Именно в этом русле рассматриваются теории феминизма, экофеминизма и наиболее современное ответвление работ о гендере – квир-теория.

Экофеминизм является одной из составляющих *экокритики*, и оба научных течения – для многих неожиданно – стали частью современной литературоведческой теории. Основные идеи экофеминизма сформулированы в следующих утверждениях: «Беспощадное опустошение людьми природных ресурсов построено по такому же иерархическому принципу, как угнетение женщин мужчинами. <...> Люди, которые имели почти абсолютную власть в современной западной цивилизации –

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru